

Исходная страница:

<http://intersectionproject.eu//ru/article/politics/rossiyskiy-antiprogressizm-kak-globalnaya-meta-strategiya>

• Автор: [Денис Греков](#)

[Российский антипрогрессизм как глобальная мета-стратегия](#)

Недавно Тереза Мэй [заявила](#) о том, что рассматривает отравление Скрипаля как незаконное применение военной силы - использование российского боевого отравляющего вещества «Новичок» на британской территории. Если это вещество применили российские спецслужбы или какие-то аффилированные с ними люди, то дело, похоже, заходит слишком далеко. Но так ли это неожиданно, и не находится ли Россия уже давно в состоянии войны с западным миром?

Возможно, доверенные лица российского президента лишь ретранслируют их общее мнение, когда [утверждают](#), что страна находится в состоянии войны. Если так, война уже велась до того, как «Запад» заметил, что Россия перешла от состояния постсоветского ресентимента к нападению. Сейчас действия лишь ускорились и вышли на поверхность. Совсем недавно президент Путин в своем послании ярко это продемонстрировал, [угрожая](#) атомным оружием, а старые инструменты great powers management, вроде принципа неприменения ядерного оружия первыми, оказались де-факто демонтированы - и Россия, и США в своих доктринах теперь допускают превентивное его использование.

Сложившуюся ситуацию можно анализировать с точки зрения одной неклассической военной теории. Бывший корниловец, профессор в области военной теории и офицер российской императорской армии Евгений Месснер в 50-70-х годах прошлого века издал в аргентинской эмиграции серию статей и несколько брошюр, посвященных разрабатываемой им теории «мятежевойны». Эти материалы основывались не только на его выдающемся опыте участия в гражданской войне в России, но и на его профессиональной оценке хода Второй мировой войны, а также предшествующих или следовавших за ней конфликтов – в Испании, Алжире, на Ближнем Востоке, в Корее и Вьетнаме. При этом понимание Месснером «мятежевойны» радикально отличается от того, как многие современные авторы используют термин «гибридная война», обозначая так лишь ведение «серой войны» средствами нерегулярных формирований и ЧВК. Для Месснера такая «серая война» – только частный элемент «мятежевойны», причем вторичный. Рассуждая шире, без отсылок к фрейдистскому исследованию психологии масс и многим философским текстам, посвященным политическому анализу развития массового общества, он, тем не менее, с опорой на исследование Лебона и собственный опыт, в целом верно оценивает изменения, произошедшие в политической жизни и природе восприятия массовым обществом войны. Анализируя влияние перемен на военное дело, Месснер сформулировал основные стратегемы ведения войны в новых условиях.

С точки зрения Месснера современную войну нельзя воспринимать как монолитное и строго централизованное стратегическое действие. Современная война тотальна и вовлекает все категории общества, а значит, расслаивается на разные уровни как технически, так по характеру и смыслу военных действий. Так, например, массовый характер войны приводит к снижению интенсивности военных конфликтов, росту их продолжительности и градиенту синхронных форм военных действий: от столкновения регулярных частей противников к действиям диверсантов, повстанцев, террористов, саботажников. Это переформатирует военный конфликт в структуру, у которой нет ни единого четко определенного фронта, ни четко определенной границы, ни даже постоянных участников. Действия войсковых регулярных соединений друг против друга, с соблюдением неких конвенций, линией соприкосновения и тылом, могут сочетаться с партизанскими действиями, массовым партизанством на оккупированных территориях или с действиями групп противоположных интересов на территории противников. В результате война теряет четкие границы – инфраструктуры и численный состав противостоящих сил могут не только пересекаться, наслаиваться, менять сторону, но и даже, отчасти, смешиваться. Нерегулярные группы могут возникать и исчезать, менять сторону, активизироваться или переходить в спящее состояние, осуществлять самостоятельные и неконвенциональные действия, исходя из собственных интересов или из того, как они понимают общие интересы. Месснер делает вывод, что в таких условиях прямое и централизованное стратегическое управление невозможно – слишком много уровней (дипломатический, агрессивно-дипломатический, военный), слишком много акторов с разновекторными интересами, разными боевыми возможностями, дисциплиной и стабильностью, слишком неопределенна территория действий. Соответственно, возрастает роль элемента управления военными действиями, который раньше был только вспомогательным, – пропаганды и психологического воздействия на массы.

Психологическое воздействие на массы имеет у Месснера две основных задачи: мобилизация дружественных масс и приведение недружественных масс к психологической неспособности мобилизоваться. Методы воздействия – любые, от соблазнения и запугивания до создания идеологий, распространения пацифистских настроений или стимулирования внутри вражеского общества «пятых колонн», сепаратистских или радикальных политических групп. Главная задача в управлении сознанием – обеспечить некое единое смысловое, ценностное и эмоциональное (прежде всего) поле, которое бы одновременно мобилизовало дружественные группы и деморализовало чуждые, причем не важно – на собственной территории или на территории противника. Такая психологическая война ведется глобально, как против «своего», так и против «чужого» населения – что на своей, что на вражеской территории есть группы, которые «за» или которые «против», а их гражданская принадлежность особой роли не играет. Потому и само понятие территории тоже теряет смысл.

Месснер рассуждает как раз о глобальной войне – о «Третьей мировой мятежевойне». Здесь от военной теории он уже склонен переходить к глобалистской идеологии, в рамках которой конкретные военные действия служат лишь элементами мета-стратегии глобального распространения психологического влияния. В этом, вероятно, Месснер по смыслу вплотную подходит к представлению о гегемонии в духе

Граммши, хотя намеков на то, что он был знаком с его трудами, нет. Тем не менее очевидно, что в новых условиях ведения войны сами военные действия становятся инструментом глобальных психологических стратегий. Этот вывод из теории Месснера блестяще подтвердился – принципу соответствуют Тетское наступление во время вьетнамской войны, действия многочисленных повстанческих и террористических движений рубежа веков, сам ход локальных конфликтов, террористические стратегии и современные «телевизионные войны». В том же ключе можно рассматривать, после войны с Грузией, крымскую кампанию, «гибридную» войну на востоке Украины и коммерческую операцию в Сирии – главная цель не война, а влияние на умы, в том числе через увеличение гуманитарного давления на Евросоюз и втягивание США в войну на Ближнем Востоке (где с Обамой не удавалось, Трамп газует по полной). Обратная сторона медали – поддержка антидемократических, по их сути, ультраправых движений в Европе и попытки влиять на выборы в Италии, Германии, Франции и США.

Сложно точно судить, насколько сознательно действия всех российских политических акторов вписываются в эти стратагемы. Однако, помимо последовательности событий, есть факт переиздания наследия Месснера в России в 2005 году в рамках 21 выпуска сборника «Военный университет. Русский путь». Этот сборник – проект издательства «Русский путь», генеральным директором которого является известный историк «русского зарубежья» Виктор Москвин, тесно аффилированный с властями и с 2012 года входящий в круг доверенных лиц президента Путина. Кроме того, сложно не заметить, что только теория Месснера и может быть общей мета-стратагемой, в рамки которой системно укладывается большинство крупных событий внутри- и внешнеполитической жизни России с 2008 года или даже раньше, учитывая пропагандистскую подготовку к войне в Осетии.

Любопытно также, что из теории Месснера логически выводится и «луковичная» структура управления мятежевойной. Таким дисперсным процессом и может управлять только то, что аналитик Константин Гаазе [называет](#) «ночным государством», а евразийцы-дугинцы используют конспирологему [«глубинное государство»](#). Иначе говоря, относительно небольшой круг стейкхолдеров или посвященных в «стратегический замысел» – т.е. носители истинной задачи стратегии психологического влияния (как тут не вспомнить бредовый, но проговаривающий суть структурно, «Нооскоп» нынешнего главы администрации президента). Выстраивая сеть, вроде клиентеллы, такая группа действительно сохраняет власть и двигается в определенном направлении, но не имея точного плана действий, спонтанно реагируя на обстоятельства и поручая разные действия не связанным между собой акторам и структурам, как государственным, так и негосударственным (ЧВК Вагнера, например).

Именно тут мы и подходим к главному концепту Месснера – ре-революции. Он оценивал историю первой половины 20-го века как результат глобальной революции, вызванной приходом масс в политику (созвучно идеям Токвиля). Предсказывая наступление реакции, он считал, что возвращение в состояние «как было» уже невозможно. Поэтому реакция будет вынуждена сама принять форму продолжения революции – это и будет ре-революция. Идеологически, с точки зрения Месснера, ре-революция будет базироваться на новых формах традиционализма и консерватизма. Как теперь очевидно, он и тут попал довольно точно – так и происходит, начиная с религиозной ре-революции в Иране, Афганистане, где радикальный ислам стал базой сопротивления советскому вторжению, исламисты так легко подмявшие под себя изначально светские «оранжевые революции» 2000-х. Развитые страны привыкли полагаться на свое превосходство в технологиях, экономике и производстве смыслов, связанных с прогрессом человечества. Однако даже для их нынешнего обывателя прогресс уже относительная ценность, он его гораздо больше боится.

Ставка российской пропаганды, ее внутренней и внешней политики на [архаизацию и отторжение](#) «западных ценностей» выглядит вполне рабочим «асимметричным ответом» на превосходство западных держав – именно как глобальная поли-ортодоксальная идеология, бьющая в слабое место западных демократий, испытывающих, по словам Крастева, кризис доверия у собственных граждан. Российская пропаганда успешна – это подтверждают те меры, которые в Европе и США принимают против нее, и секрет успеха именно в упрощении и архаичности. На фоне европейского усложнения политической жизни пропаганда предлагает обывателю «революционное» очарование упрощений и соблазн «прямого действия», которые так близки массовому сознанию. Во внутренней российской политике эффект гораздо ярче. Например, основными акторами российских «гибридных» войн этого десятилетия [становится](#) пестрая смесь из неоязычников, ортодоксальных христиан, фашистов, нацистов и разного рода исторических реконструкторов, вроде Стрелкова или псевдоказахских объединений. Удивительно,

как этот архаизированный антизападный дискурс способен универсально мобилизовать людей столь разнообразных взглядов.

теги

[power vertical](#)

[ideology](#)

[eurasianism](#)

категории

[Politics](#)

Использование материалов интернет-издания "Intersection" путем их полного воспроизведения разрешается только с разрешения редакции Intersection - intersection@intersectionproject.eu